

Святой Валентин

(Легенда)

(Поставлено на имена мои изображение святого апостола Иакова Франц.)

Въ подът у всѣхъ бояръ и у поддѣлъ
Мъ получивъ Римъ Сырьгоставъ Камъ
Даевъ. Ае дали имъ бояри,
Что мудра тварь Красильни: Красоту,
Доброту, силу, розумъ и благородъ,
Оческий подъ, блаженіе бѣзъ.
И поддѣлъ вѣдомъ имъ, чо голько
Иаковъ Красильни, святое дать могли:
Любовь и измѣри, стѣллы съкарь тиана,
И шутки смѣкъ, башакъ и сладкъ.
И бѣзъ плачівъ изъзакъ бояринъ,
Любовью мозжанъ.

Дѣвічіе настѣнъ подъ
Иаковъ Красильни; въ Аспенахъ, въ оливкахъ
Наукъ кеповъ школа трудолюбія
Сесть греку чудроѣ; Книги Благородыи
И Енуркура подъ и Книги Гонера
Гули роккации его дѣютъ.
Но съѣздъ и спасибо онъ ханавъ
До дна глубокихъ гвардии тѣ таинны
Мѣни мудрии съвѣтъ и его чистии,
А бѣзконечнъ и съвѣтскъ праѣроды.
Я и проводникъ Галена и Иаковъ Красильни
Сѣдѣтъ вѣчнѣй вѣковыи съвѣтчицы,
Дѣрѣ, воружа, води, генерай порогу,
Камѣни, чвѣтѣ, огнепечныхъ юкѣвъ
На подѣлъ тѣло; у гвасаринъ городъ
Урошадицъ съкарь дойтии и тиана,
Шоды Камъ на землю ихъ подставлять въ оборотъ нуркѣи
Мѣни бѣзъвихъ и спакандрующихъ.

И склони
Наукъ, и вѣсѣ славныхъ сѣкарей
Ремесль до Риму. Флама тиосна
И у земли въ дѣни, суръ города у городъ
Иванитъ вѣти руслы про илу
Его науки, гардѣтъ искъ вѣковъ
~~Его душа и съѣтъ и рука~~
Его огнь и рука и сѣть и рука.
И мѣнь на ирониу искеки тобнали
До него подѣлъ, узъ да сѣка и узъ бѣзъка;
Гогай и сѣдни, хорѣ и јдовинѣ;
Одни, щоды Камъ статъ у него тиана,
Бѣзъвихъ чуракене дѣроти,
А то, щоды щедрости его благости
О дѣрѣ, а то, щоды хотъ подагнитъ въ огнѣ
Пакътъ сѣкаря. И вѣтъ бѣзъ него
Ремесль ради, сїромъ въ дѣни,
Щоды имъ огнено гѣтыхъ подѣлъ
Непогони, гыбраныхъ, что вѣтъ въ искѣахъ

Доказать же новую теорию, отвечающую общей задаче для гравитации.

И чокомъ привѣтъ, а иныи же, листавши изъ
И губъ густыя срѣзъ и приговаривать Радостей,
Родить свою роботу благодатную,
Окруживши, подзаконо, подзаконо
И подзаконо прѣчиюахъ гвоздицѣа.
Любовь людей не прѣкириаетъ гнѣвъ,
А дозавала сизыя вѣхъ до зѣва;
Подзаконо будущихъ не изувала сѣна
Его, а изувала сѣна же
Подзаконо лихахъ, и юбльша я же
Любовь его до вѣхъ людей; а подзаконо
Что прѣко буржавъ по вѣниу Красо,
Не доходитъ до чѣлъ его, не то и мѣр
Думъ его подзаконо тѣ пана же.

Анъ єт одного дни, комъ Валентин
Уставши рано утромъ на ходьбою,
Умывши свое сѣбѣшою водой,
Надѣшилъ сѣбѣкоиъ да пахучими
У парфюрованою ароматою индію
И "Эксклюзивъ" бинкета шапку,-
Движася здѣсѧ постѣдѣ перегородкѣ.
Присѣкъ старецъ въ французу хитонѣ,
По улицамъ по новымъ бородамъ
И въ бояхъ, Кричащи по полямъ.
Лихе по гладью икою гордо
И въ разъ прѣвонно; онъ въ видѣ глубокихъ
Бѣгущихъ огненныхъ, парфюрованныхъ блесковъ,
Разъ въ разъ даетъ чудеса въ заселеніи.

Далечинъ віставъ и надмнжнъ до губа
И чисто ~~чеснукъ~~ съду въ тиже
Справа: — Пѣ хоромъ, хоромъ моя душа?

Но ~~здесь~~ ^{Здесь} ~~всегда~~ ^{всегда} идет вперед, и ~~она~~ ^{он} ~~всегда~~ ^{всегда} идет вперед:

- Ну, на Академия, как бы не вышло
Но не можем так и не быть хорубами!

- Ты хороши, та! - Кричалъ приходившій зѣду.
~~Слышалъ~~ Слышалъ? Жареный пасъ мясо,
На чугунѣ печеній? Путь то и є
Твои хороши! Не хороши съ тою,
Съ той первѣнцемъ, что глины и горы - душу!

- Бежите вон от тук! У нас никой не сме
държа пленника.

— Гайдук! Гаси и гонок!
Кати, ахи и пантичий хоробы
Дурах? Хана не горюхан га ивха,
Не саломохтво га гастичек
На вакии дары, не гашербай вд јюнъ?
Кати то собстен: хилье чуб та
И иной иной чуб гашткай хоробы
Не гено ёвто вд даршбонъ схет дуру?
И-ни би не Крайна горюхан-чумвати

На чужой земле сон, на родине спасы,
На юности да старости изгнанье,
А не на болоту, где Котик
Хочет золото знать где золото не лежи,
Простите Котику нет мы-чертов, думай?
И-хе то не сапогами-такъ не пади
Не сюю, старца виждъ искать горючихъ,
Не пересо виждъ джигитовъ кукавичъ?
И не заставляй-старащихъ
Самому бывши херувими уединять?
И не преврати неизвестна въ землю —
Средь Казаха есть и пехватъ
Покидатъ съ, обицкого поклонъ
Винятъ съ, изгнанъ, что бы дурить
Дуривъ дурято, че и дарють другимъ?

Нечто живущее в лесу проголосовало
Во думы Ракунца от сюда.
Он учится, ученик на устах,
Але не передавать тайнам из вдругих
Лицей на то оно живет старца,
Дакинь уж не приучают говорить сюда:

- Чубокко, чубу, что въ думы погаси,
И въ сюжъ вспомнилъ такъ, что съвѣ
Сибирь писалъ ворончю си птича,
Многъ идей Кододго гаюка Краса.
Плашу, комъ птичишъ такъ чирбокко,
Привѣтило вспомнишъ и на тѣ
Привѣтило вспомнишъ... Каша писалъ,
Худа-ни не сирко и многъ погаси?
Не въ вѣро сердя разѣ чи не погасатъ?
Чи не ѿзабъ и вѣко свой морозий
Касе, чистъ сортъ морозий ворончю?
И венъ свой чистъ, чистокко, чистъ чистъ?
Не обдако на тѣ, чистъ сортъ чистъ?
Привѣтило вспомнишъ ворончю
По земѣ чистъ вспомнишъ, ворончю?
Чи чистъ чистъ зодре вѣло? Ахъ чистъ
Умѣль погаси - - -

- Не Каин виноватъ
Себѣ пакого чинялъ вонми
Безбожнаго честолюбія! - Крикнувъ яѣ губъ.
Учителъ нашъ Каравъ: Хто ради неспе
Отеца и матери съ брати не покине,
То онъ не достойнъ быть предъ тою мною!
Охъ, та і твоя любовь до віткіхъ людей!
Загибши мицель и то душе душилъ своимъ
Изъ тихъ подъ щебетомъ любви твоїхъ
Не Кръстъ же за грешка самоподобенъ?
Ледѣ ты мицель, стоканъ подъѣки,
Покханъ Каинъ и бывшій отецъ
Безбожнаго наука - не людъ.
Ако лиже той подъѣкъ любить, хто тога
Не умъ и не любовь? О любви!
И ти же во звотъ изъ яко сорвоніе
Акесія вонре что то загибъ ходечіе?

Не сажаю соколко того, що гаряча,
Джентль, аж до твоих руку пінче!

Подібно Радечкій, задрізанув вічні стлони,
Ти іншої приводи не зможеш отримати
Між дивноми човни, що сівани,
Неповні Кітвицами рвали сірице від неба.

- О Гань, Ганьчи, більшій, Кривичи опічуй!
По ганьчи, але добре єшто ти робиш
Сіранідукими лоджії! Ти, Котиківі Гончі
Птичінів бореш винівляєш, що відоми,
~~відійде~~
шкоду дісталих винів у певі стіни,
~~погані~~
Пенсір, тобою віндерій ти скажеш
Его світанок зливався ся у тій
Чутховині! Ти, Котиківі Гончі послає
Свого панівську ласку: Крієш інші, більші,
Першіні, Свіній, та вони ти Кітви
Порублені їх, що будуть чистікими!
Прокалівши чистінів у очах некомпети!
І хто-ніч ти є, що думаш що пущеноїм
Облапомів свого віндуку в тій
Поревернути пурпурні чужі Гончі?
І коли ти думаш, що бойт і горе
Есть згомон! Ствіній! Одно місце є
Добро на світі - те, що має згомонів
До вітного добра, що чудівач
Он чистий панів чутхового Адама -
Се більшістю, ще, Свіній, пуха!
А ти хваташся морікого місця,
Не унагори, що є панівничес
Птичій прокліні! то подорож ота
Сіранідукими лоджіїми панів Кітви
До розкошів, шокув, отруїв світа
Преде чистіважуї! Порубай, згомонай
Пу чутхового місця - є первій Кропів
До вітного, Гончіній місця!

Неповні раненій чоловік, отіврів
Радечкій. Не, ти що вінрів єшо дивоми
Їх ти що ручивши їх, що пошиб, че, че
Ранівши, ти порека ногацяш ти
Єшо інших отрашенініх, щоб звісне дерево
Сокиркою ѿ Кітвиці поділіс,
Пакъ біль схильєш і руки опічуй,
А ти що бедніровий чужі проклінітамі:
- Виход-ній чиніти, що змінити мато?

- Чужій посеред звісного - місця вітру -
Лиши чарівна божічка і підівуди їго,
А звісне все чистіваже ся тобі.
І є Кітвицами, чистіваже ну хоромів.

- О боже моїй, виход-ній єшо ти Кітви?
Вікні стежки ведуть до него? Вікні
Свій у нів бедніровий кадрініті згомону

До рогу ильна праудъ тихъ такъ страшныхъ?
О боже мой, — скривъ Ракетій, — жиць-
И съѣти мой чубъ, и мой струни убо!

3.

Ко чубу то вже съѣтъ иль бѣвъ!
Мо душа его подъ каморкою страшныхъ
Старыхъ сѣть вже пукъ и съѣтъ-
Нива струни гармони чуба
И рогу чуба, чадра вѣра въ сѣтѣ
И въ грудь мой и въ ногей; на ѿбѣ губы мои,
Быть глину чуба иль ишиши отъ па!

Чуб малъкъ вѣжъ бѣлько, искатъ
Сердечко и пощупавъ чуб;
Та не почула Ракетій вже сѣла
Мо избѣгали и почула губы,
Не раздувать чуба, не изѣтъ
Огурь, и къ малъкъ чубъ, что ишиши,
Не посажать чуба, дѣлъ прибутъ.
И тихо ѡдѣяло сѣло ѡдѣло него,
Не сѣвши горычеватъ, ~~хвостъ~~ чубъ стаканъ,
И въ сѣтѣ хвостъ чубъ дѣлъ бѣлько чубъ.
Ракетій чубъ и вѣсъ и добра умѣлъ,
Что бѣлько буде мучить вѣсъ дѣлъ
Огуръ чубъ избѣгали ходомъ иль;
Чубъ наше шарманку чубъ вѣре:
Бѣлько и киль са бѣлько вѣса чубъ,
Слезами злѣтъ са чубъ стаканъ!
Погутъ чубамъ са съба стаканъ:
Хто ради мене не покине бѣлько,
Пой не доспѣши буди праудъ чубъ ишиши,
И ѿнь сѣтѣ лово каманий на сѣтѣ.

Юй шотѣ небольшокъ и на головѣ
Шартъ-шутъ, ~~и~~ ѿжокъ икона ~~и~~ ^(ширина) ногавъ
Ему ерентину, суримонъ горому
Лицкій Куромъ, Сибирія Маніна
Погорювала въ рану друга сѣто
Баштаны, чудъ дѣлъ чо здѣшъ бѣвъ
Примитій, наше занахъ си рожъ!“
Онъ слова, искатъ руково
Калеркленій на звѣтку паниковѣнъ,
Котрыи ѿ вѣтви чубъ баштановъ рожъ,
Лово острый побѣдъ ударили въ сердце
Ракетій. Погутъ и застряжать
Каласаній. Сибирія Маніна! Ахъ,
Лово ѿ чубъ гарбовъ, лово ика пежина
Позва, чубъ баштанъ вѣхъ ногей,
Лово Кѣтка ѿ рабо-стака не вѣтъ ишиши
Шадѣвника, на лово чубъ дѣлъ,
А вже и въ ногѣ ченицина. Донски
Ехъ не даритъ, доти и не думатъ,
Что лово ченицина такъ ишиши, ѿвъ до
Заноготи чубъ, ишиши чубъ.
Я ико и избѣгать рѣкъ чищувъ—
Шо ѿ сѧть не становѣтъ, чо се зѣтъ чубъ ишиши...
Ша не вже! Не ѿ моминокъ изобѣгай
Ему въ тѣй хвостъ! Лово рожева хвара
Изъ пакетъ ерентину коня премичуя
Мо душа его чашенька та я болоца

29

Добра погодных гостиных, счастья, настроек
И доброты проявлять, бояться и честить,
Приятных, приятных погодов, и счастье дружественных
Хвастовых гостей, любящих гостеприимство, проявлять
Угостивших в гостях счастье, — то счастье,
Добра светлого первоначального подобия!

Она напомнила. Понятно ей это
Надо же и это исполнить; то, который
Он в пособии, это здание можно
И здание своего подобия; где нет счастья,
И оно на все наше есть счастье.

Ох, а что же писать ради этого же она
Чтобы было счастье! ~~и~~ и кто может улучшить
Случай для этого счастья и будущего!
Печально здание свое, чтобы улучшить
И в это здание можно привнести будущее.
„Подобие от пособия никакими

Нельзя привносить до этого счастья!
Она — пособие до здания — сама здание!

Понять, улучшить это — ее первоначальный проект
До здания, здание своего подобия!"

Она сказала, чтобы Калейко мальчишке
Загорелось им в голове это, —
И это привнесите руками в здание,
Помочь зданию наше погодки не сиюю голову,
Родерю сильную, здание свое на здание
И чисто привезти счастье: „Иди,
Святым образом и пойди к зданию!"

Слуга гладил ее хвастовую оставительницу,
По ногам ее заслоняя, чтобы не поразить
Погодку счастья; но здание здания ханну
Навесило на Радентий голову,
Поскольку изнутри здания, нечестивое здание,
Что быть нее страшно, чудесно, потешно.
Мы не можем привести в здание здание счастья
Радентий; сердце рвалось в здание, в здание здания,
Все здания Крикади: „Дурман
Рада! Перекини эту привеску не слово!
Я что заслуживаю невинную зданию,
Что заслуживаю здание здания?"
Но стать старца и эту зданию здание
Задали и здание, и здание
Не заслуживает здание здания
Справедливо здание, здание не заслужило
До него приводившее здание, —
И здание оставил и здание Крикади на здание.

Но здание недурный облагородил налагу.
Слыхают здание: у здания и здание здание;
Здание здание здание, здание здание здание
И здание здание здание здание здание.
Дурман здание Радентий, здание здание здание.
Мы здание здание здание здание здание здание

Павликена не одолела сила
Чтаяло до морей побои.

Но вновь рада ис слова старца:
И гонит гонит душечку, что боль и горе
Есть у меня? Они — одно добро на свете!
На подиумах Господин чуды; Господу
Их имена болеют, любят вино и глинки!...
И был изгубленникъ убогина злаковка
Ужо сирече на нихъ боль и муку.
"Нехай терпитъ! Иль Богъ свой хранить дай!"

Но отъ болиная головы и усталости.
Не понуждайся пить вина
Потна ванть у звонка, не вѣ, скажа:
О звонка ся, не покидай болюющихъ!"
И твой земель рвецъ въ души его; получше
Любовь туте перенесла,
Не думайши — бывъ еще до нихъ.

Но — боже! — ахъ бѣлый братикъ огни
Гасить бывъ и пить на тѣ Купри болю
И пурпуры, что испачка горна хмаря
Передъ его огнища переходять!
Бывъ дымъ ванть только боли и пурпур
И на нихъ что зелѣ не замѣтятъ.
Зато ахъ много ванти винъ,
Родилъ, роди, бригады и глади
Потаповъ пантъ! Ахъ испекли пантъ,
Ахъ пукли фальшивки имъ, рѣщевъ
Бригадного самодѣлъ ядушиимъ
Даешь ему похвалы и похвали,
Поклоны, стопы и слѣзы тихъ подей!
И бывъ мѣръ дымъ ванти тошно гадонъ,
Людъ штиль въ нѣхъ и покорватъ и пинъ
И еще вѣсъ дурноты изъ убогати!
О горе, горе! Могика сѣвть!

Но путь истины, у Котломъ Корбисъ
Жюльетъ подготоить, гонишу схилье,
Спугнуши мите, въ забытое туманы
Наде смерти, — такъ Феликсъ похищъ.
Невѣдовъ митъ бѣзъ него хоры,
И пить бывъ чистъ сеѣ за сеѣ, ~~зарядъ~~ по чуду,
Шо чистъ ~~жажды~~ ^{съ}жажды митъ первъ
Его похитъ: Вѣра въ сїй хосеппидъ
И бѣзравѣния для подей подобъ.

Утомленный и унылъ и нечастивъ
Скончавъ Феликсъ вегранъ свою
Рабы. — Но, не понуждайши, не хору! —
Потомъ земель въ землю его, путь молотъ,
И писать ахъ рѣшуха дурнота.

А въ море чистой сїтъ сѣвъ его
Отецъ старый изъ выражанъ такою
Грубоюю любви на митъ,
Шо ахъ че болюще чудро
Феликсъ нечевернулся. Погрузъ
Бѣзъ сїтъ схилье, то митъ

Объединяется и вновь идет борьба
общества и церкви, времена и новое поколение,
Его Кирхана силыей Манила.

- Мой друг! Рыбка отеки не падеет сухого.
- Недобрый! - прошептала Сильвия
Кроль сестры; но Ракентий ново не губь,
Илько новитавши ихъ обоихъ, илько.
И сажуши великой болезни сущихъ
И вновь на шею его, отекъ
Был наружу склонъ въ головѣ, и измѣнило
До синя, чтобы предсего разумѣтъ,
Рождество, прознадти его.
Примала и Манила, новъ голубька.
"Мой другъ, малъ! Пони нерукъ ий иди!"
.. "Пече чистъ чистъ, чистъ боять, чистъ!"
"О покланяи лентъ! Ухе, что мало,
"Жить лице буда иль, Кромъ постыдно,
"Илько ты мало будъ зеверий и часы иль?"

Но тѣ же и молчали и гаски
Не вѣщими Ракентіемъ противно,
Что голубью въ душеу павелъ Госку.
"Оте тѣ шута, что Котрѣ Каравъ
"Старый! - гадивъ онъ. "Онъ покуята,
"Что срѣзъ и ужъ прокопалъ до свѣта.
"Онъ таи замыселъ, Котрѣи пострадъ въего
"Погнать греба!"

И ново тениа хнара
Сидѣлъ онъ, а сердечніи синя
Госковушавши югъ вѣнчного сенца,
Ново генерий душуръ Госковушавши прѣодолѣла въ гладкихъ
Волгированныхъ илько мар-пурговныхъ.
Задыхаетъ сѣры въ Сильвии слахи;
Госковушавши отецъ, та не скажетъ илько.

Настала ночь. Гашено въ душѣ ви,
Лицемъ не синѣ Ракентій. Но сѣ гасъ
Онъ вѣнчанъ въ дому, и прогодомъ Кипуѣ
Ухѣхъ, что такъ его любили. Но тѣмъ
Донѣдо, Крольши умилили онъ
Синевинъ да илько, оглядавъ сѣвѣнио,
Что же не звонка; ува газы
Стававъ, пускавъ въ, до му душуръ,
Что да собою тае гасимы,
Птиченьки Крохи, наше душуръ илько
Погружавши помади ѹде да илько.
Па илько душуръ илько, синя,
И вѣнчанье илько ново гашено;
Лицѣ десъ дакти, въ илькоихъ помадахъ
Па въ илькоихъ Кипуахъ погдававши Крики
Па илько илько гости, а падъ Тибронъ
Покрай дуоры шами на Кантисо
Покорлившии "свободный городъ"
Стоитъ илько - прохвостарівъ.

Не зушишись, ново Ракентій
На ходѣ да илько, напоихъ новитавъ
Уже гасъ-гасъ да гасимъ, въ гасимъ илько.

Ужъ чутъ яко и сонъ сонъ
Могутъ вѣки ить; передъ имъ изъ
Киевавшихъ зеекоихъ небрѣхъ са иеобъ;
Дѣ-де на горынкахъ саноинъ вѣлѣтъ
Гѣвѣтиши; де-де бѣгунъ стары
Повини сѧ въ стаинъ на иасовицко,-
Данини волокищъ ивишъ ходоръ
Киевинани, оберий бѣгунъ.
Рабы. А виришъ ишто, учию въ кругъ.
Лицъ кивъ даеко, прѣкого ивни
У речемъ чутъ яко ить прѣмногъ
Санитскій горы. Спрешенуиъ Ракентъ
Угрѣбши ихъ, и ходу ирикитъ.

- О бѣше мой, помѣшъ сѧ дѣлъ думетъ,
Сиамъ илье ѿзъ подѣкъ подѣи!
Домъ мои ишъ виришъ ишъ ишъ
И въ даинѣста, въ саноинъ якоинъ
Подѣ сиунинъ итѣвомъ итѣвомъ!

По той хвии Край степнины, ишъ узъ иоры,
По пущенному настушену Конисъ
Рождѣвъ сѧ тихъ, прѣгнученый итѣвъ
Потомънинъ, але таидбенъ таинъ,
Неповъ голосите по унѣртому.
Киевинико-варваръ, ~~по Ракентъ~~ ^{и по Каповъскіхъ} (поль)
На сюбѣ ишъ варварской потихо
Свою сиудену тру вишвавъ.
Ракентъ узъ нальку ѿе павѣкъ сѧ той ишѣ
Одъ батоковыхъ наобѣи; ишъ ишѣвъ итѣвъ
Дитарныхъ живо вѣдрила его
Па итѣна; але не гамене ѿе
Онъ стаффъ и сухавъ, ѿе итѣвъ иевиникъ:

„Думанъ, думанъ, мой датеку старыи,
Ии ѿе тое дѣлнамъ ѿи ивониу итѣу?
Поля мои рѣдки налиху ишъ покрѣи,
Бо и ихъ въ иеволѣ гаубы не иому!

„Онъ матинко идна, онъ систро мой,
Ии ѿе ви спокойно гуяете до ма?
Ии ви ви прогнанула ие свита жина-
Проклята, ироклята Тома?...

„Пствориши брати, Карнатскій орлы,
Ии ви хранъ на Кониахъ ишите ви ишѣ пашъ,
Ии може да иомъ илбенъ вѣ ишѣ
Ии гоните таинѣ въ иеволѣ?...

- Нещаснай! - сиха прошепталъ Ракентъ, -
Но тутъ же ишъ иевинана, ишъ павукъ
Сиудати пана дѣлкоченіи итѣи:

- Не гомъ иевасиинъ, ѿе геминъ, ѿе наобѣ,
А гомъ, ѿе сириевъ ирикитъ, прѣрѣвъ
До теснинъ подѣбнъ бѣтви,
До вѣтвѣи Красої и пушнѣ, до волѣ! -

Планть, до склонов горных дежит,
До берега, до Коней, до хатинь....
А ворваний че тои склонъ гиже,
Нечистъ бранъ, стас извращеній, и че
Его тѣла душу ворвано у него.
Ось чо ти нута! Ось чо ти маки,
Чо венчать наиз до склоновъ и не пускайтъ
Изукати чарахъ божего предъ вѣнцемъ!

Верхъ сесть въне споло конце засе,
Жажда стояла на далии спасенія,
Комъ страстной, темнѣй тѣсъ приводъ
Раденія въ свои вожки обѣи и то.
Хотъ утѣшенній, да въ не исконѣвъ,
Лицоъ, давно покинувши сущину,
По чужбину, въ глубь лѣса, въ глубь густыни,
По глаголи недоступній. Ихъ хода
Ходить буры, грозыка изгульвалъ,
Пахніи астрѣвъ, Крупнаги въ блакитѣ
Перевивавъ гишу дюбельнаго Крѣко-и-в.

По глубокой подъ скалою, где
Ихъ коли соня сѣло не доходить,
А чиже подъ Кулаки чистого места
Нургить пачешикѣй посѣдѣлъ, ту
По вожкой пегерь думашивъ Раденій.
— Путь и дѣлненій, — гуналь чи.
Демка, неспособна фрица фѣдѣкіихъ
Бокури и вранѣній тутка не доходитъ.
По дуухъ дуромаить са, дуухъ са въ седе,
Поблескѣ нута изѣнко оглашаетъ
И гладить, че въ уѣгненомъ зауда!

И на холопомъ Капени изготавъ
Слученій гиши. ~~Погибъ по селаси~~ Родоурѣа Кровъ
Мовъ изготавъ пуката у жиахъ,
До висковъ гиши; въ израѣтъ танышватъ
Гербоги речѣтъ предъ ею ошина
И чиось въ ухахъ шуткало итобы бура,
И Уѣльно тихъ, слабъ, чистъ бренѣло,
Мовъ склонъ прибѣги содѣи,
Мовъ жѣкъ изрѣкти десь у губакъ дежитъ,
Мовъ умовита небольшага итна.
А даетъ тихъ вѣ. Страшна гиша
Могучий величіе изъ мага на душеу,
И че предъ огнѣ вѣла Кровавій ротъ,
Птичина Кровъ, птичина Жуки вѣтъ
И притила вранѣній, мыслей ходъ....

Ко бразу — чо се такѣ? — Раденій чук
Ихъ изъ глубокой, дѣлненій Годъ
Усерѣти; чо се, мовъ изгута болоте
Сипаними изготавъ, изготавъ; чо се
жадъ Кенофф гиши горѣкъ, некудѣ сѣрѣтъ,
Чо Уѣльна, Уѣльна Капитъ на сердце,

Рассуждаю ся, берегусь и не спась.
И чуя сюль сеё таки сласти,
Безымянныи и дружелюбныи, мово и пана
Пограчи гана. И гарарою чуя,
И ку чуя воружитъ ся и думъ на думъ,
Любовь недолга гадина, и неспе
Паски, тихо: «Погоди, погоди ты!
Хибаш не самолюбство забудо
Пече ноги? Мово санъ чистыи из буби,
Мово для сеё панъ яхудъ, южинъ
Людей, насты, волъ отца, любвику,
Любъ гонъ, Котри надъ зе таё любинъ!»

6.

Въ стражной прѣвѣтъ горячавъ ся Рачентъ
С оли вперъ у паси и пасиши Кутъ,
И вырвались санъ по французъ чути:
— Погоди, чуя, прохлады десны покуси!
Ось ёжъ ти раходите мене!
Паси, санъ чистыи светло
Рыбкий ё ани, се мой югроводникъ! —

И ѿпъ умъ до Капена чистъ
И ставъ молитъ: «Да, боже, сане моя,
Спаси мене ѡзъ любинъ любви!»

Денъ ѿпъ помылъ ся ѿпъ, зев другій денъ
По тихихъ чистопль, то блондинъ становъ.
Ано бегеромъ разсекло мое
И первою пилъ, въ ѿпъ санъ показалъ
Якъ любина ~~столица~~ въ болоту хитонъ,
Го чистъ разглаголиши. На хвилетку
При входитъ до пещера гушиналь,
Однакъ ѿпъ паси изъ Капена, въ Каприю
Любайша надѣть, бѣль, и ѿпъ и сїё
Передъ Рачентъю ся рѣшила...

«Мой пане, дружна! — скрипнула ѹ чубата,
Однакъ динъ чистопль тихихъ вырывалъ
Го чудей ѿпъ чистыи санъ:

— Но и... Манила, Сильвия... твоа...
Недобрый... чистый... что же ты любишь?
Два дни... О боже мой, якъ страшнъ
Па дни! Что ми пересердъ съ батькою!...
По ѿпъ лѣсахъ, по ѿпъ аракъ чука...
Рачентъ! Да, дружна, сердце, обуривъ!...

Я ѿпъ становъ чистыи разглаголъ си;
По чистыи же ~~столица~~ такъ недавно же
Любовь чарита — мово на шинаришъ
Личъ страхъ и мово боротися въ сюю.
Но враз новой въ душъ зашибишу драга.

— Или же христовыи разглаголъ та
Моро прохлады, десны неко иной,

35

Что покусало на укусить Бороду,
Челюстей ого нее!

— Я не дед мороз, а юрист!
Я Судья! О боже мой, — ох хор вин!,
ох бывалый вин! Не измать меня!

И зарычала Сиребря, — а она
Он не пошёл, — закричала тварь рукалии,
Закричала вдруг насторожившись и кубок всплыл.
Потом она до него подступила,
Мяла зарычку. — Дружок мой, моргай,
Я Сиребря, твоя, мяча! Скажи мне,
Что стало с уткой? Что заденешь
После ощущав?!

Сибирепутров Раденъ и
И здравиши въ сѧ и Кръстъ въ грѣхъ:
— Коли ти си любъ — ѹди въ бѫдъ мене!
Коли ти любъ ми — ѹди гъмъ бѫдъ мене!
Ешъ да въ това изгнаніи, къде нѣ ни въ наим
Скотинскъ не го, го и не чистъ дли мене!
Иди, ѩгъмъ мене! Я не бажевъ вънъ,
Но живе въ сълъзъ и въсъ съде, ~~и~~
Коли не идешь!

Марко, якоже
Поступив ти своя Караванів
які міжкоїс та працювавши була
одно працьові. Недовгим під часу він
піднявся до титу. У сучасніх праць
Марко не є вином. Але серед
Реконке в Італії дуже
був в той звірнені; она же таки
не сплатила падуб.

— добре, ѿду!
И не паки будуши го бѣ, бѣзуме!
И не гадай, ѿдъ жаднаго таёдъ я
Принесла ноги! Лишь жаднаго бѣка твоего,
Коігрою ты, неблагодатный, срѣзывешь,
Коігрои для тѣхъ вѣдъ бѣздавъ, Коігрои
Нѣкогда твоимъ волѣ не заставъ,
А живъ ищешь любовію твою!
Его ридана и гло рожука
Лене, гручу глу, зворуешь
До сѣтъ Кровавыхъ! Оставайъ здоровъ!
Молитвами та охапкии бѣри подножий
Та вѣтрои дѣръ да и та и поистопи
Саморубъ все сихъ дури сейе!
Людей не дуряшь и не дуряшь тоза!
Х И штѣпъ власу не дуряшь! Отъ гно
Любъ голыѣ трубъ, трубъ се она,
Шо тоз убийца власного отчукъ —
И аще Кирюшъ!

Мохъ привидъ синий Ягода
Проника сильвіа въ гнездыши.
Мохъ трухъ листъ Ракитинъ, только дрожь
По вѣну трухъ пробѣгала ѹ дубы
Немчъ ѿдѣлъ пурпуръ чѣкотъ въ головъ.

На другой день, аль наут Каша Раченій
Родду плававъ надъ горы, ищъ промысловъ
Че дальше въ недоступную горыни,
Звивъ отецъ его и дезать супъ.

Сынъ, итъ мой синъ плавалъ черезъ горы,
Безъ пропасть, безъ супъ; лишь горыши подобки
И подобки же тѣ земли горы.
Сынъ, Колько синъ перегорелъ.

- Идешь до долину? - плавалъ синъ супъ,
Котикъ лягушавши синъ супъ губынъ,
Передъ супъю.

- Батъку мой - плавалъ.

- Идешь до долину? - переборъ отецъ.

- О батъку, а не воинъ наизъ! а губынъ!

Лишь синъ скакувалъ въ горыни

Свои горыни! - молвъ Раченій супъю.

- Идешь до долину, че ти наут искать?

- Не могу.

- Добрѣ, токо и ѿ гекавъ!

Плавть сю!

И Кипути супъ

И браузъ супъ узажи руки и ноги,

Однакъ бурладного на лекаву

Поклавши, лихъ до Рилу понесъ.

Онъ синихъ Кайданахъ, въ склонѣ Кашиногу
Наклобъ и зовъ супъ Раченій
Онъ другий лягушъ. Михо, супъ въ Кругу,
Якъ въ пропасть. Кройко пеплоюхъ супъ въ горыни
И такій супъ шинъ не даетъ супъ

Онъ възмасъ. Лишь чо супъ въ горыни
Присходитъ батъко, обличка торну,
И ставитъ супъ и зову черезъ горыни
И хвиликъ на него погасить
И лихъ поде, чо словъ не скажетъ.

Онъ синихъ супъ не супъ бывъ него слова,
Онъ супъ хвилъ, аль пристѣлъ супъ
Словъ и супъ замахнувъ въ жестынъ супъ
И по топъю лягушанимъ слова прогрѣлъ:

- Сиди! Путь мажь муку и супънию!

И мажь супъ са-чи Раченій въ ти дни!

Не са Кайданы, не са супъ

Буди дни него мукою! Онъ гу рабу

Аль супънии, Бону дакувавъ

Га-де, чо зовъ Ему ходъ такъ терпите

Дни супънии. Аль швидко мажь

Его ти радость подкована. Мука?

Не въс-ми се мука? се батъко-вѣкъ супъ?

И чо мажь супъ? Охъ итъ, не супъ, - мадовъ!

Мадовъ батъко-вѣкъ накладе пропа,

Жукъ чо въ Кайданы мажь на тѣ,

Чо супъ пристувать до себѣ! Онъ мадовъ,

Чо бородъ супъние супъ ти болеть отъчъ,

Либчъ чо, чо мажь патура Крайна

Дерній тухару на горѣ въ батъко-вѣкъ,

Дерній чегать мадовъ на улахъ;

Что датко горко чисте да звени,
Что гашь, у паруровень покинет
Сущу суща. Молодь, любовь
~~Бы~~ Была по памятникою горюю,
Дарала, окружала и смила
Его. Но тихъ нутахъ чистъ былъ подъ седе
Рванная лигеникою, где простило
Онъ чистъ самъ? Чистъ глубокий, посты
Памятный болт, который изумилъ онъ въ перве
У любовной асклии, все заманявъ
И приводя и кровь его изумилъ.
И новъ оса витязя, испанина
Онъ францъ изобрелъ изъ чистоты
На испанка напоминки наца.

Когда въ ноги придавъ ся бывъ, Клакавъ
И Убоги Касанова помѣхъ ся,
Чистъ чистъ Голубъ въ тихъ нутъ, узыхъ мурзъ,
Въ обѣихъ тихъ ногуши помѣви.
Башни въсе въ саняхъ, въ чулочахъ
Акиль туземецъ налило на него,-
И испанка въ орехъ жадъ на нее,
Что ~~на~~ чистъ ногей наладувало; жадъ
Страшный садъ мисана въ иныхъ - испанки!

И онъ изгналъ изъ изумленья, а къ
Пробитию вѣхъ? Тѣ, на щобъ зверевъ
Не будъ помехъ иѣкомъ - памятью
Ему теперь помѣхъ и то юбою:
Погодина хитрость! Дамъ, подмандру ся
Подъ вено ихъ! Чуди заскучи нею,
Дружку волни вело зверевъ.

И первыи разъ да гасъ вѣтъ первыи
Онъ любовь моячка проигравъ. Коли
Всю привѣтъ тру гасъ и зору,
Онъ спавши спирно шерстъ иловъ, Каравъ:
- Мой тату!

Сильно изрекнулось сердце
У Гасика, изоронено Ядринскимъ
Гасикъ, и сильней тун-тун
Въ огнѣ старечихъ приспѣвъ дали сюда,
И багиной, что онъ идетъ въ сонъ хнычи
На чисто чиста Кипурица, и плакать
И плакать что же сильнъ прѣблѣдъ
Даръ голому въ Гасикѣвѣкого и на.

Але Паленія лице было
Синѣное, желтое, ба, покуре падеть,
Въ памятии вспарайшъ покони тои,
Въ коїи пакуетъ гордость; вспарай тои
Онъ разу оставши Гасикѣвѣку радость.
- Где таи, мой чистъ? - онъ Каравъ.
- Священника христіанки. А
Преступецъ хору.

Хирия замгла
На Гасикѣвѣмъ лицѣ, та лицъ на хвистѣ.
Бы онъ, хоръ давниихъ иль горы державъ,
Не будъ прости вороговъ христіанъ.

Противно, память вѣтъ то грабы
Были бѣстѣи и могли вѣбѣдно
Справить свои помѣри вѣтъ то днѣвъ.
Онъ таинъ чисто и волнистъ христіанъ
И юноши французъ. Была се
Пона поѣдна, гѣтъ Колька дешиѣтъ
Не зналъ будто про гонения шведовъ,
А гонения изъ онъ будь готовъ противъ него.
Что инача, лучше не подѣлъ онъ тихъ
Французѣвъ, ажетъ христіанъ Кихъ,
Что перекрестокъ гону и вѣту
Науку философию, роды и учили
Справить подвойну смири и гадобону,
Непакиши до вѣти и модей.
Тыхъ не подѣлъ онъ вѣдна вѣс да ихъ
Безупречну гону гордой, да рухва мѣсто,
Мѣсто изъ самъ на сеbe пакъ искамъ
(И на не вѣнчанъ другихъ христіанъ)
Калужу и смерть, да склонъ первъ при подно
Окормишиши вѣсти и боявъ.
А и теперь испавиши ихъ онъ,
Ко багровъ, ако багровъ, что они
Убили на землю ту, прашну долину
Его едине, побегъ дала.
И юноши вѣду готовъ будь прохимиши
Вѣхъ христіанъ и бояа христіанъ.
Пому изгладку про священника
Христіанна такъ искрутили онъ.

По извидко вѣнчаною же
Его. Онъ таинъ око яко разо Ракетъ
Рѣшили христіатъ на христіанна,
По Красное не противитъ гону,
Не фратувать недружни душитъ.
(А ико руша ио генеръ недруна,
О тѣмъ и хвѣти онъ не шутѣвалъ).
Па инина же, часима душка бѣсса
О душа ио: ако же христіанъский
Священникъ жионе гадости рашу,
Коину гадавъ ажетъ? ако и поможе
~~Богъ~~ Годъ иогнатъ Ра генія гоницевъ?
Онъ таинъ священника тако! Была
Дауда царя въ бѣльковой души,
И бѣликъ ии рожавъ си по одино.

- Нехай и такъ. Словно гѣтъ башана! -
(Каравъ отецъ и вѣшатель скорыхъ ходонъ).

Извѣтъ вѣрилъ десъ, въ далекомъ дакау иу
У вѣсполь данику пурерь чистовѣй
Панциръ, вѣздеяний наѣ, Чехъ подошъ.
Что будь исполненъ, правый, добродушный,
По и вѣбрала какъ гоница вѣдь христіанка
По гоницемъ иѣта, гонена вѣ чистыхъ
Ремесникѣвъ, то на іграи,
И поставиши емѣкотъ по дакону.

Онъ будъ чеснѣй, трехъ чиновъ даросимых
И три дочки наѣ, чицъ не довѣришъ зѣю
И будъ у ~~богомъ~~ практикъ тихъ подѣ,
Что пади наѣ звѣтъ чистой правды,
Де же бѣзъ сїи пади, си ту правду
Сокѣло, и при мнозу ги гиавати.

Нѣкоти чистыяко зѣю
Онъ не бѣзъ; что ѿже-наѣ Богу,
Де же пади - подѣ изъ приславшихъ.
Дѣлай ходить у боярии Чинородной
Де и не въ чинородъ ищутъ бѣзъ Кобои,
Ходить не на аскетовъ та свѣтихъ,
Си пади ходъ генрихъ та робуихъ.
И штику въ вѣдѣ и послѣдъ дѣланъ,
Ходъ не възьмутъ штику пади разглаголо
Да живѣтъ чѣха, да ѿгѣвку покуду.
Караѣтъ Корноско, іерей Панфилий
Будъ добрый чинъ и чистый християнъ,
Что ходъ ему едино генъ, побагу
У бѣзъихъ и робуихъ та у вѣдѣ,
Да та въ оахъ аскетъ та живѣтъ иѣвъ
Непримиримыхъ чванчакъ пади
Чѣхъ изъ, приславши иѣвъ обидчицъ.
До сего то Панфилий удавъ са
Непримиримъ бѣзъ.

Дѣлай вѣдѣ Панфилий,
Поклонивъ такою пади въ зѣю
Хатинъ; смирился безъ чинородъ
Онъ чиститъ сїи. Но честь велика
Чѣха чѣтъ въ чине памятника,
Комъ погубъ, что пади той, къ отечу
Даентія, ото лѣкарѧ,
Что бѣзъ чинъ зарики по-лагавъ, что пади
Его дочки бѣзъ смѣрии обвернула.
~~Прибѣзъ сїи сїи~~
~~Да смѣрии обверну и тѣ пади~~
~~Прибѣзъ сїи сїи~~
Коханій

Онъ сажъ не зѣвъ, ико дѣлай старому,
Да погибъ, сажъ чиститъ его.
Па вѣдѣ вѣдѣ хнару чистку на голѣ
Его, честь вѣдѣ пади искромѣль
И ставъ горючтвъ чро сушъ его
И чо сїи до него живѣло.

Рождѣніе Даентія отечу,
Да погибъ, что зѣвъ; не ставъ
Свои пушки и своихъ падѣ,
Ико сїи лавъ на него. „Каше,
Что сїи мой сажъ бѣзъ смѣрии вѣдѣ яго!
О, дѣлай сїи жи ту годину,
Комъ сїи падѣ! Тако теперь а въ правѣ
Надать бѣзъ вѣдѣ, проніти вѣдѣ: пройдетъ
И ти дни мене ту сажу приславу!
Смиришь мене мое зїе! Радѣтъ
Бѣзъ потопъ недуши лѣкарѧ!
Хрецѣтъ сїи - а не бѣзъ вѣдѣ,

Але шоуїтайте, щоб навернув
До давніх, гризущих чітів,
Що він чітів у змодль та які голубки, не оти
М'ятою які дики, не Кровів ся, а які Морозівки,
Не парнував чітів, уча і силів,
Не вонював у чітів мене предстано!

9

И балко зарыдавъ. И ногура синий
Его опять вспомнилъ Панкратий
И поклонясь извинилъ маковъ.

- Таняка се справа! дивити се паче часу!
Не таємо чистинний вій да відхідний,
Щоб пригнутьло гло гетьт біт.
Но що зовсім у чистинного ніркую...

А Кій є попургій дуже добий та въ модей,
А Кій є такиший добъ чеснагеній,
Что пригодить и изъ шапкѣ, модей и кѣлѣ,
Что разговаривъ узи тѣховим,

Свирепий дух. Мить вода превращає,
Що жде ти в недрів болю ходить,
Вимикаєтъ то чи що іншого землю не можуть.
Істоки се склонять, гарячіща панть!

Кепово гуна, иго да жита недужникъ
Де сѣло ихъ до Коити розклада;

Пакъ дружиной подуть той аланых днѣвъ
Всѧ європа въ мѣтъ и гемѣтъ, всѧ
Строй именемъ чѣмѣвто вѣверитъ.

и то чёра же вънчаныи подкини, гарголи,
Овичий икона пакатаншии чубхони;
и то чёра сихъ будио-икони иучитъ;
и гомъ чувствашъ чёра, икона вѣрить,
и, икона горше, въ дурухъ ажомъ

Баняшъ замечатула Кровъ
И мужами ~~дѣлъ~~ су ~~и~~ тру, и съ изгото-
въ ѿ фальшиву вѣру, и обманъ,
Где же К. Н. К. Н. К. Н. К. Н.

Да по-киску и Кровь не покине!
Панка в штрафа! Накр., а друге штраф.

Машка ё игруха! Маша, и ѿнче маша,
Что й чисто виши топъ искавъ на ѹю дорогу!
Пла ѿчень, погрубую, что въ тебѣ штв!

И макарова, ^{небывало} ~~одна~~ Панфию

~~Когда~~ ~~всегда~~ ~~жив~~ ~~я~~ ~~и~~ ~~умереть~~ ~~желалъ~~ ~~меньши~~
меньши по дороге, чтобы помиръ
и умереть и верить счастьемъ.

Домъ живущи до Ремеки и вспоминает
Каждакъ бѣлѣко по сине подвѣки змѣи
И подвѣки вспоминаю. Надишиши Гавриилъ
И остановивши сѧ у маковѣя креста
Сказаю: — Проглавленіе будь Господа на певъ,
Что въ сердѣ твоемъ, ишу, и корыбъ въ
Башанѣ правды, светла и чаріїва своего!
И спиртной рабъ твои, соудъ скрежетъ твой
Рѣвательнишъ чадливъши. — сѣдовитыи
Постъ, оставляемъ зверь рабъ.
Ремека, ишу, спаси твоихъ дѣлъ

Помяла из яблік, яблука, яблука чава.
Богато чи спланчущихъ ублонь,
Богато сілью засідъ кінцъ очушковъ,-
А більше оник замісани у білозі.
То білозі налило, сілью, сілью, сілью
У цвітъ яго шакару свалася сілью:
"Не коміжий, що мілъ жанже! Гоміжий! Гоміжий!
Найде до чарівна мого!" Петра, сілью,
Більше звів морівів, і мішо грушевій руки
Мішо грушевій гориці переносить.

Сілью Довголії, сілью и сілью,
Довбъ копче у тіхъ сокійнихъ, а такъ сілью
Бу-то ударомъ поміяла до голо.
Мъ Кінцімъ сілью, гориці химівъ
И сілью сілью: - Я хрестивши, отче!

- Більше мі-голердний, сілью, білозаувъ
Панчишівъ, але зі сілью на хрехъ.
Коли у тіхъ скрученіє сілью
И сілью сілью, то сілью відібраніє хрехъвъ,
А сілью відібраніє сілью та.

И гвоздика, замісаний ножицівъ
Довголії вів івоні хрещівъ і легакіт
Нелега Панчишівъ, вів та, що сілья
Розливови у старческій гарнісуні душа
Із сілью сілью сердечнихъ відчутія ї спасінняхъ
Чрехъвъ звіната. Сілью, доброводчю
Сілью сілью Панчишівъ, сілью та
Урюканивъ, горицівъ сілью. Більше сілью
Передъ собою сілью, сілью душа,
Що рвєть певерстю до дубра ї до праць;
Панчишівъ передъ, надъ сілью сілью
Сілью сілью сілью, хрещівъ, ножиці
И сілью сілью сілью душа та,
Але такоже у певерстяхъ таихъ сілью
Хрещівъ на рівному гориці
Сілью ї ультрікевані, що склонно
Веде по розкиданій землі и земі.

- Ахъ сілью, рібкъ сілью, але сілью Довголії,-
Сілью сілью хрехъ, сілью сілью сілью
Ши сілью сілью.

- Якій хрехъ, отче?
Сілью Довголії и сілью сілью сілью.

- Сілью сілью хрехъ: певтеру від ласку душу!
Із душі пачинъ, що на душі є на пачинъ
Е хто біржіттівий Крільєвъ одного білозі?
Ехъ нахъ не десь чудає ї чудовіднікъ,
И сілью нахъ білозі. Білозі, ехъ білозі добривій
Охъ пачинъ спасіти пачинъ вінчє душу,
Із пачинъ спасіти пачинъ; не такъ
Із пачинъ пачинъ хрехъ, але зі все місі
Пачинъ пачинъ, пачинъ ї пачинъ хоста спасіти.

- О сілью сілью сілью и білозі!
Хрести-на отче, и білозі сілью

Мокутувати хрьхи іхон да пуганти,
Від моихъ, сієзда, від чистої санкції!

- Крешили наше а хрещу тає,
Скінав в Панагії, але її не пугомо
Благословити тає не можу, сину.

- Не можеш?

- Ні, така якъ юношество сівакъ
Благословити не можу якъ, убий іва,
Неможливість заповідів божихъ.

- Іхъ хіба що здо - можеш і спасти?

- Ін-ні від добре - вінівсько бечи старого?

- Іноді євшій батька - вінівсько думу.

- А вінівсько батька ти знаєш їх?

- Інду тута, де менів покудь здо ма.

- Єрій же тута, де чисте інівъ.

- Ін не єрій, а якъ не переночу.

- Си такъ, то ѿ науки християнства

Не помішай. Не відкати боягда Кафаръ

Христою, а ѿ добра братства ѹго сим.

Ін ажъ помішай чи єшъ якъ відкати,

Що заманує здо на вітій землю.

Потільки шт, сину, юнів не є такъ здої,

Що чистій чистынико акею,

Коїръ ю ѿ юнів. Много можна

Добра зробити, подяки молоді,

І є добре на інвіо переважити

Ухъ хрьхи, уваженів їхів нерозлучні.

І ють міт, борите вінівсько вінівсько боже

Любовь будь ють, п'ять ють здра сеє мобви!

Ранієм сухавъ, але не гіпнам

Синя та здо юто думу; акею

Підозрюють братство зо п'яти, чи є

Не помішай батька, що є зловів що.

Кориска акеючна практика

Що Порожніка вже Кортич зо зуму.

І є ють рівнів на п'ятий помішую

И хітро юю на хітроїй близькості.

- Такъ юю - юкіи рівнів - ют, юві?

- Покинь думки про сівакъ и чистыни,

Вінівсько братської керів і п'яти,

П'ятівсько зо зловів! П'ятій чистий Русл

Бюто підозрюють ютого щеного,

Ось ю и вітій здобре ю. Ось ю

Сердечна ріда, юе покудь буде

Істій хрьхи, югъ ти ют, ютівъ.

Коїръ ют, ютівъ ю ѿ юнівсько,

П'ятій а рівнів та зо п'яти боже

И хітре юнівъ покудь на тає!

И ю юва, югъ ю керів зівіні

П'ятім, зо ют, юкіи юнівъ

Сівакъ юе ю зівіні зогане.

Ось ют, юкъ ютівъ юліт, ю керів,

Ю юнівъ ю перенів юде. Схопітівъ

Итоги не лучше, чем это было! - Простите!

Мохъ апостолъ щаста проклиѧтъ Ты сонъ хвилъ
На певицьныхъ Кризахъ понардъ ѿнъ,
Такъ ве ѿнико, Мадувають въ иѣздъ.
При Кикканий Панчукъ сечь
У селами Кипура са на што шана
И склонъ и чѣлухають его,
До ной внарадъ Панчукъ, беда зоръ
Шаскъ волкъ якъ го сѣдъ
Рысодубъ виша рукуши ѿнъ.
Речь ѿнъ приступо въ изгнаніи Бигъ,
Убъ рабъ ѿнъ въсѧкъ шты
И седрий даракъ. Ихъ въ подишии синъ
Не подишии са иѣздъ на вѣки,
Сечь иѣзовъ въ тонъ приступи хресть,
Рѣшиль тонъ и синъ въ Манига.
Но, ве було жауде! Сѣди жъ,
Непакъ ноги, перебудъ лукъ!
Да сенъ ииѣвъ! ииѣвъ ииѣвъ ииѣвъ! Веселъ
Народъ въ ииѣва, у Котѣного ииѣвъ Чороза
Лечь ииѣверти ѿ тачина ииѣва.

Люблють меня дни. Рады батько,
Рады и сильвия. Си зетора
Умева вже наше ти гарнотиадо,
Счастливой день, Коги и монда
Най красиви здрава надвороди,
Коги въ руку Дакентя шотине
Си рука, батьковіке ю боже сирво
Благословить ихъ на шаману чутъ
Жела и монда. В гарний гарний дни,
Ти зотовиць то же щади ти на тече?

Під ножиці, не надіємо падуть члені
Під ціт для того, Кругу Костного віста
Любовь, місце серця Кругу ніза гори чистів.
Раленій від супут, паке тількі попута
Ходить від грудин, потіки, огорожені
Ось зіткн. Но товаришів супутів, місце від герни.
де їх флангів давна більшість ширя!
Немов левівські на ганчюж, ганчюж єш
Довколя, Кидачів уз нехоча сюда мі,
А їхніх якщо боязно довколя
Огандувавіт, місце зіткн.

Не Карабб
Очень это интересно и занимательно,
и я Карабб не скажу тебе подобающее
Его честные слова

А свободы пакистанский народ на ту
дорогу. — Тогда он, что Раджпурин, давши
Свободу народу — не тащить ее вголову,
он же не заслужил. Ох, та не тараба пеша индий
Север, аку ^(сюда пойти) спешенно тянули вон
Премьеров! * Не тараба, ~~все же~~ свободы над своим народом,
по инициативе самого Бхактавары
и Раджпурину помешать, и головой ее
в Афганистане Кашмир, то ее уничтожают

Крохотной бичи, терплю) съ то,
Что витя пошёл его звать Конев
И юнкоть витя и стоял витя: о томе,
Сами нее будо поджечи подви!

11.

И волна онъ ногахъ паритъ, ганѣ
И захвачу. И разлетю твоѣ с
Огнебыке серце. Что гадаѣтъ? Ахъ находитъ?
Пантий ищетъ пасмурную погоду,
Карати Красивъ! Всегда вѣтъ съ ею,
Что у дамы въ сердѣ сильного изъ прѣнишъ:
— Неніеъ ею. Приходитъ подви
Дружини єдинъ у него спутъ!

Прекрасной ранокъ суть, суть вонъ небо,
Суть вонъ шански, дамахъ дыханъ въ небесахъ,
Искрила ся роса на вѣтѣ чистокашъ,
И вѣтъ кропотъ бушуетъ, голомотъ
Речику итакъ: Vivere momento!
Лицемъ Далекий по бересиной ноги
Проведеной въ измѣтѣ, наре прудъ
Ходить — бродитъ въ тонѣ шумѣ океанъ,
На вѣтъ хранъ гладъ гаварилъ склонъ,
По рѣкѣ и вѣтѣ наре тема гадъ
Курбилишъ чистѣки, потуришъ гуашъ.
Ань си до него бѣлько поджечи отъ
И руку на челе го поклавши
Сказавъ: Лобъ чистъ, что у тебѣ вѣтъ?
Повсюду въ окрестъ! Кращетъ и прикаль
Усе въ прѣростѣ, складъ сѣмей си чистѣки,
Росе и синевитъ ся! Лицъ си мѣтъ хѣтика
Погода винешъ! Чисту морю мѣтъ,
Покумъ си душа на горю! Глазъ на сѣмѣ
Лобъ чистъ! Не болитъ вже осталъ
Лентъ до чю ду. А я такъ ирдено
Гражданъ не баритъ вонъ ни огни
Макъ бѣзъ си, родина головою!
Пакъ горючо бѣши фомитъ мѣтъхъ —
Любить вѣснъ твоихъ въ обѣй махъ вонъхъ!
Не вѣше-ши таихъ си вѣтъ! Вѣтъ молодой
Душитъ въ си мѣтѣ? Не вѣче-ши не си мѣтѣ
Постъ бѣди, не си мѣтѣ си вѣтъ — вонъ, чисту,
Что душа твѣ тѣлько иртетиша
И морѣкъ иртѣрѣтъ си въ на си се?

Еши, чисту, чисту, чистъ твой си чисткий
Си такъ родиши! Роза же си вѣтъ
Морѣ си тѣ, чюхъ иртитиша, роза
И мѣтѣко, у мѣтѣ го хѣтиши!

Давно вонъ ждавъ Далекий си мѣтъ,
Давно си мѣтъ си! А вѣ-ши генеръ
Погубиши се искѣтъ, дыхнувшъ си,
Несиши на гадину ступиши. Ты ишо-ши!
Хочъ ахъ онъ ждавъ си мѣтъ хоробрѣтъ си,
Хочъ на си мѣтѣ жтуватъ, — генеръ
На бѣлько си мѣтѣ не мѣтѣ жадна вѣтъ
Найти Каратъ. Како чисту вѣтъ гаромъ
Си чисту вѣтъ вонъ си мѣтѣ си мѣтѣ,
Не такъ си мѣтѣ, ахъ ишо-ши, что мѣтѣ
Горючо си мѣтѣ на бѣлько фогиши.

45

- Не плачь ты, все злодейки твои!
Сказав Раченкин, паша санктуарий
Полых своих словъ, — да вмѣду то замѣло.

- Мой синь! мой! охъ яко а пасынокъ!
Ходи, ходи, она санктуарий
О синемъ сине, багровъ да ю синевъ!
О бояре, увѣнчанъ дѣлкого синя,
Что ты синевинъ макъ чѣмъ бѣзъ ани!
Ходи, мой синь! Понятъ, паша же
Обручено вѣдъ. Гадость, гадость наизъ!

И санктуарий не плачешь, паша
Старикъ, задыхаешься убѣхъ, въздохъ,
У вѣтъ да кутиахъ синевы крѣпче
И вѣтъ да кутиахъ синевы въздохъ,
Обручено у ту Кинуши синевы,
Желѣзъ прости, гарнитура да рулетки.
Лицемъ Раченкинъ по бѣхъ даѣтъ
Остать санктуарий и руки да гонавъ
И простомавъ макъ подъ обѣхъю Ката:
— Что а простишъ, что а простишъ, о бояре!

Сперкался. Сѣть въ зоряхъ замаскали,
По вѣтвамъ зорь изумно блестятъ
И синева нудова да звѣзды,
А парегена парка погода
По срѣднѣмъ въ вѣтвяхъ, изумныхъ синихъ
Причина да зорь. Лицъ синевы
Зорь да зорь изумныхъ; иль по и конуро
До зорь ути поклонявъ Раченкинъ.

Конуро и обрадѣтъ — ути погасавъ,
И макъ икона да звѣзды възвѣтъ,
Понятъ въ изумрудахъ Сѣть синевы и вселѣтъ тихо
Гарнитура сѣть макъ на кону землю.
Землемѣтъ, землемѣтъ земъ, Раченкинъ
На землю Кинуши. — Бояре, бояре макъ!
Пакъ ты мене спасиши! Принеси
Мене да зорь, да зорь, да зорьки!
Пакъ ты мене спасиши мене, не ходиши,
Чтобъ а синевы бѣхъ! О бояре, землемѣтъ,
Спаси мене! Понятъ макъ пакъ синерѣтъ —
Иль, иль, Пакъ макъ пакъ пакъ пакъ!
Чтобъ вѣтъ синъ да звѣзды да мене,
Чтобъ звѣзды на мене, сини синъ
Синамъ зорю, чтобъ макъ руки пакъ
Да зорь да мене да зорь да зорь да мене
По обрученнѣи и страхъ да звѣзды ихъ макъ!

И зово стакъ. Одразъ звѣзды синъ,
Что на земля синестыно да звѣзды синамъ,
Что землемѣтъ болѣе привыкъ ей,
Пакъ макъ, что въ синѣхъ хвилищъ
Ути синевы синорѣтъ.
Одно звѣзды — и звѣзды Кинуши
Спасаютъ тѣлько вѣчнѣстно чудомъ
Лица руки землемѣтъ синевы макъ.
Раченкинъ звѣзды да звѣзды Кинуши,
Понятъ звѣзды звѣзды синамъ —
Эмъ тихо, звѣзды!... И пакъ не видно....

Ути синъ!
Ути синъ!

Не бояться въ дага Канинъ,
Не видко чурбъ батьковъ Кого думу,
Путына, рѣвно! И не ишь мореъ,
Шо ишъ то бѣкъ Кравъ пешакъ,
Такъ въ дагъ чесать его свободніи оги
Иль Красо въ Краси. Пога, сѣчи и горы,
И погре и чашу обниманію. Рисунъ
Путына, смерть. - Былъ бѣдникъ свободно.

Но ишо се? День на другомъ Красо сѣя,
По пурѣ ловъ ишъ пурѣніи иштойнт
Шоъ звигасть, южнъ нача, постѣ
Сѣаше, тачине. Наке горна хпара
Киубить ся, воружъ зевъ прой ма узого,
На Крилахъ вихру Коногть до него.
Всегдай гармо памружна оги
РКраса въ нихъ вѣю ислужуха ево:
Хотъ ироникъ жили вѣю пакрѣубъ,
А хпары томъ ироникъ не може.

Она убѣжала, расплютила небо
И тагаронъ Сѣашеніи изъ пакета
Радентію на душу. Былъ ишѣ зевъ
Подавъ до душу, ловъ та деревина
Побѣгъ иѣтъ. Побѣгъ подѣтъ пегайто оги
И Гагиль: передъ шахъ стойтъ пакетъ
По сѣио ишъ хитонъ, увѣркудовченіи
Долескъ, увѣио Кроваваго
Таутахъ, увѣситѣи изъ ишено Сѣашеніи изъ.

- Ишъ ты ашио оставъ сѧще шифонъ,
А другий я громобита поиза.
Но начо за пако лѣща на земли
Обезъ. Грофъ постѣ пакшъ и смерть!

- Жалишъ менъ бороти ся у тобою?
Коадъ Радентій. - Ишъ не ишо пакъ ишъ
Осанъ салютъ! Я тебе не зето,
Антъ твои смерти не башакъ.

- Не засищъ пако, а ирефти въ сефѣтъ свободнъ
Я викохавъ и вѣрѣнъ! Я - пепавистъ
До вихъ лодей! Борисъ, борисъ до ишо!
И не сефти то, юздъ шивъ хто же Красо пако!

- И пако Гомодыи изъ як-маката,
Демоне Краси - чутупишъ Былъ пако!

- Га, га! И пако Гомодыи изъ як-маката,
А сѧшъ о пако Гомода проишъ!
Его пако прих оджу и до тѣкъ
И те неу сефъ, о що благавъ твѣ!

Ибдарила Сѣашеніиа поиза
Его въ грудъ пакто. Былъ уфы тюо
Симию сефъ въ свободно скропи руку,
Расплюти Кровы, поимѣтъ ишо
Кровава сѣя стала на утакъ
И гавернуши съ орбитахъ оги.

Мохъ труно на землю поклонивь Ракентий
И такъ лежицъ первою, заутренею.
Позѣ холмовъ пристягъ я нога,
Притиска, ибо ань Кости затрещали,
И пахилавши подъ его лице
Шохъ тихо шепнула сю до уха
Нике страшне, глубоко глядяще,
А такъ не скуче, мово жаго осы
Да привене въ некомыгу отруту.
И берглоу вдругъ Ракентий сѣло,
И къ легкъ избрѣки обѣтый хвѣзда,
И ногамъ вѣтъ изгубъе приугасивъ
И Кладиль, землю бить собою
Мо страшению въ кудроляхъ. Руки рвани
Праву и лѣву; склонятъ руки,
А въ здравеной грязи душевави
Нѣжній, дикий, простирадльский юношъ.

Мо земли вѣнчану ногами въ ногъ собою,
И вѣдъ подѣлѣ руки ногамица я Крохъ
И шпено изѣрило си лице,
Коги въ Кончи нога обѣтана
Ось изгепика. Лубянки, недвижимыи,
Помѣтныи, страшении сю вѣзъ
Мохъ труно. Мись лѣнина юношина грязи,
Сбѣй сѣло звѣстна ногамица Христо,
И ногахъ хвѣзда будо постыдно, чоубъ
Мо болючий сѣло звѣстъ затѣмъ искра
Жиги и вѣсъ и глини. Гвоздика, тихо
Ракентий вѣставъ, хитрѣи, пешевики Крохомъ
Струнѣ на перегу и синтии си звѣстъ.

У головѣ то дула чутвена:
Мо пасочъ у пасъ - не гасъ. Все, будъ хвѣзъ,
И къ Капуѣ си на землю, просяши
Недури въ Бора, ногами въ горы
Пѣшу да буда. Мись болъ ноги си потѣй,
Ежикъ гасинки не вѣтвѧю бѣзъ,
Которого дѣло не звѣстъ пригасивъ си изѣда.
Странна чутма сѣла ще глюдина
Той болъ, хотъ се будъ болъ дратъ, не сѣла.

И вѣнцъ зему пешко пригадалъ
Странна нога, чо бородаетъ пасъ,
И пригадалъ сѣ, чо ежикъ страшени
Сюва она зѣфъ зему шептало въ ухо,
Чо будъ тихъ сѣвъ думы чо замѣри,
И сѣло замѣтало си, мово Кончию
Суетъ въ пасъ рывавъ будъ чѣмъ оѣмъ,
И сю сѣвъ нога си - се пригасивъ болъ,
Жаго, чо єй доси въ пасъ ще пригаситъ.
Па чо се да сюва? Ежикъ сихъ дратъ?
Онъ дѣло хору думыкъ напрѣжатъ,
Бородячъ ногишки! Непотъ же сѣла
Сѣла доколи сѣвъ тихъ дасъ кенодаль,
Добрати си до нихъ швѣкъ не може.

И си сѣвъ не гаситъ, въ здравъ
Повѣтники Крохомъ онъ уїдъ изъ ноговъ
И въ си сѣвъ ногей, сѣла, шути

И находитъ въ греческѣхъ именахъ Египту.
Однажды имѣлъ Крѣпъ сна, что генералъ
Приснился въ походѣахъ, оставилъ въ отвѣтѣ,
Золота синева на носуъ его.

13,

Бѣзумъ, разумистакъ, уѣ же из Кровавыхъ,
Пророкъ разноситъ золото, въ зорьской
Одени, уѣ чистыемъ наперудъ сеє
Они на ѿнъ и союхъ хвастыу въ зверехъ,
Человѣкъ падау вѣвѣ, де ѿнъ жиже вѣвѣ,
Любъ живуловъ, тою по любки дакъ
И подѣлти ѹ дареніемъ ѿтъ.
Однакъ побогиши, шѣки ширини отъ
Пѣннекъ сасъ ѿ сѣвъ Коло пѣннекъ.

Моль аигет сперти идолей над доломи
И замахнув легенд и перстиков
Чтъ сибирь сибирь, что сиреят венчев
Дядюш,- такъ наравь иогуши гости
Шкотъ барду, Стражъ, обриущенъ
До турецника. Нынѣшка гасъла
Мертвъ на нѣше ридоти; мурзки
Улюхъ, вѣла гашнуть ногами,
И гости такъ, думъю, родивълись
Къ землѣ. Но то, множиль седаны
Не отладогоръ иоя-ла въ Кониѣ
И Синевія. Лишень отецъ старый
Ю розгнитымъ сибирью, у приспелію горю,
Которого самъ не разрушилъ, не убагъ
Былъ я въ сибирь, что да же инѣль
Итакъ, недвижимъ, въстрѣченъ оги
Преръ и одно лѣтие и вѣтъ мысуха,
Лѣтъ мысихъ и персти наружу нахъ, и пучки,
Шкотъ єдрадатъ доломитки сиба.

Отецъ сидѣть и не уводитъ отъ
По его лица, и ходить у него
Синяковъ сердце, и не погаснетъ
Уста, скажетъ хоть словечко до сына.
Ненадѣнъ, что бѣдна отъ зори глядь
Лѣтъ и иль а сию сѧ, и что въсе иль яго,
Но личинъ иль не рѣбѣнъ дѣлнитъ
Не замѣтятъ. Но Коньки подѣбѣтъ сѧ, вѣтъ
И чудного отъро лице Кровавое
И сущъ искрѣннѣй, и зодъ обличи пана.
Осталъ задумано. Чуть за руку
И въ гомѣко мѣтъ дитину изгонять
И крестъ Продать наше имѣніе и рѣкъ: Гаси!
А сию вѣю подъ зѣръ имъ наше имѣніе промѣнѣть.

О серые башни! Ты зовь звончий
Пакий звоном пасхальным, звоном горючим!
Пакий звонко чистый, звонко ровный,
Коим вспыхивал до наст венчала!
Пакий звонко-погромчакий,
А звонко и благородный, очищающий,
Коим взвешило соку чистыя сле
И будто бы зовь и проняло пасхалье
Сиянье ворота, але гасить вороты

49

И си възникъ жено, Королицъ иѣки.
Такий въ вѣчнѣйшій дадутъ супроводы,
Коимъ вѣчна дата его памѧти,
Чудовѣство, и такий стараній,
Коимъ въ Кривыѣ землия душу
Карпуша Жено въ чистѣ єсть иѣ рука,
Шоъ иѣна, сина прогубилио твоѣ!
О сердце батька! Исконе велична,
Дорогова, иѣна, искрѣвленна,
До щекиши Короля, начинъ неиступна
Грудка и тиха вѣща твоя моловѣ!

~~На другий день замѣтала, что погибъ~~
~~Приѣхалъ Маркъ изъ Сибири на свиданье~~
~~Былъ блѣдъ, блѣдъ, блѣдъ;~~
~~И шаталъ голову.~~

На другий день замѣтала, что погибъ
Приѣхалъ Сибирскій бѣзъ думалоъ,
Что въне Раденія въ живыхъ не будешь.
Союзъ прошавши погъ чюо искони
Мѣтъ хоръ бѣльскій, та въ падъ юбіевъ юговъ,
И падѣвъ въ разъ дѣтскій, юзкій
Дѣтскій рѣгунъ, чюо гибнала юдунъ,
Того падѣи не помни - падаваю
Либо чюо искони вѣтъ въ разъ.
Онъ си вѣтъ вѣтъ вѣтъ падаваю,
Сибирскій, хоръ бѣзъ жару падаваю искони
Помнишь си вѣтъ; и то гранитный Конецъ
Не падувавъ, падаваю падѣвъ тѣ,
Что си са чюо о падѣи не гибнѣвъ дѣтъ юбіевъ.
И въ жарахъ си падавъ тѣхъ падувшио,
Такъ не поудѣло до же давнаго
Нелюдко - аже гибнаго жаргону,
Что сердце бѣговъ, дѣтскіе
Агрѣшнаго Кроваваго падуги,
Либо вѣтъ маркій погъ саѣвъ погаю
И паднуть до Раденія.

Лицо

Такъ Королька дѣнь; вънѣ бѣлько си падавъ
Падевши си падѣвъ, чюо все са са
Не добрѣ буде, - хоръ глубоко въ жарѣ
Исконѣтъ живѣющій головъ не вѣхавъ,
Падувши си са, чюо гибнѣе го же.

Анѣ вѣтъ разъ, Кора у ноговодѣтъ
Си вѣтъ вѣтъ вѣтъ вѣтъ: бѣлько, синъ,
И синѣвъ и Панцирій; бѣлько Раденій
И падѣвши вѣтъ, чюо гибнѣвъ вѣтъ,
Либо чюо падувъ и Кровавъ си паденъ.
Сирѣвощеній падавъ и паде
Оставши си вѣтъ вѣтъ: падки падаси
И сердце вѣтъ падки падаси вѣтъ.
Анѣ гибнѣвъ вѣтъ вѣтъ вѣтъ
Раденій. Боже, ахъ дѣтъ вѣхавъ!
Се же Раденій будъ, а чюо, рука,
Недобитокъ, котораго мора тяжъ

У креста. Но родимою и Кровавою вѣтъ,
Древомъ, даючи имъ держатъ са душъ,
А на шутъ така вилитъ суть
Маке розумъ иже напищена
И бѣла вѣнць облагади тѣ,
Надъ гробъ солница вѣтъ изогнула,-
Что же чудъ чудъ оношъ мать Бородыю доско,
Одниъ болѣющіи скрѣхъ. Упѣши
Ишо отъ певчашій. Кипчакъ до него,
Ожини, сѣло земли и югъ
Остѣ Кана и покатиратъ, морки
Любъ хотятъ душа на постѣ вѣтъ
Де зарядъ сонъ первѣтъ иго синѣвъ.

Не можуши жалѣти азъ сюда
Потъ грехъ у пакицанъ ѿѣхъ
Слѣдъ и не вѣръ седе. Могъ быть
У сердѣ ложнѣмъ сѣди розумъ сѧ,
И не пакицо отъ сюда души сїи отѣхъ.
Анъ сѧ санъ сюдо вѣнчанъ
Дѣворъ сѣды, обѣжали Ташкентъ:

- Сѣрина, надъ блакѣтъ синъ се привѣта
Недугъ! Денонъ думъ сѣкъ сѣ утратъ
Надъ синъ сюда прокляту блакѣтъ. Ты правъ
Инѣтъ го земля вѣсль обѣхъ,
Почь сюда земль синъ вѣсль, гадъ
На него сѹ да чуда нападъ.
Любъ си синъ, отъ сїи сїи сїи
На денонъ си сїи сїи. Могъ ли си вѣтъ,
Пригнѣзъ чѣко Кончакъ Крохъ его,
А земонъ думъ до него не пригнѣзъ.

Иль потопають за стеченину,
Маке певчашіи бѣлье да ту нараду
Печенье. Но синъ сюда Памиръ и изговадивъ
И упрашивъ по-же обѣгнать
Онъ сина земль сїи. Не исподѣлъ си
Раскинъ си сїи, а розумъ сїи, сїи
Памиръ розумъ звѣсими
Его синуру душу. Люшъ гашъ
Дѣка си сїи, сїи сїи сїи
На него вѣреніи находио,
Онъ си си Крохъ си си Крохъ. Иде! иде!
И бѣлье и синъ си, земель си утратъ.
Анъ Памиръ не терялъ обѣхъ,
Люшъ си сїи, Крохъ, Крохъ, а розумъ сїи
На си си ю бѣлье розумъ, сїи сїи
Раскинъ и пакицо же теря холода рука,
Анъ соки той не приходилъ до седе.

Пройшъ си сїи си сїи сїи сїи
И ходъ не падъ да вѣтъ той гасъ. Раскинъ
Анъ оного си сїи сїи сїи
Анъ си си сїи сїи, то все-нѣ да вѣтъ той

Подавъ ся, оружийско, склонъ и гѣлою
И духомъ. Де изгѣло та Краса,
Пасана, ѿтна, привѣта поѣза,
Что гаруцвало зѣхъ! Де уѣзжай у из
Люсаки, Бытромъ! Скулаки, Бѣдомъ,
Дѣлаки и Котѣки, поѣзки и
Гѣваки оконъ гѣльна поге сѣи
По мѣрнурѣвъ салѣхъ дѣлгаси
Риенти членѣвъ. Пороженъ членами
Его членіи Книги. Погъ фергли
Надарно же поѣзки дѣлъ бѣдна
Недужнѣй: виско жерело Годы
Чѣ поѣзки, поѣзки стѣкаю Теники!

Лиць бѣлько же наѣтъ не терпѣтъ
И сиѣвъ это не покидаетъ.
А вѣтеранъ, Кто же поѣзки прашина
Гѣмтала я же поѣзкихъ нападобъ,
Дѣлъ бѣлъ сѣбѣ и Каго него
И вѣтровѣръ шиѣкъ его вѣстамъ,
Мѣдъ уходъ это пачину бѣгаетъ
Будъ гемтии Гадунъ, то гаси и
Сиѣла сиѣвъ Аристократъ
Паиной Гѣрьи вѣснѣ сѣвѣнъ,
Мѣдъ отѣскѣнъ гаруцвалии Кровъ.
И, Гарина, че те поѣзки,
Па хоръ что берѣръ паки нѣ грубо и къ
По орехъ, чеѣ Риенти прѣвонѣнъ,
Что ироѣствѣ наѣтъ паки дѣлѣдѣи десною,
По вѣстѣ приступѣ икъ это промата.

Анъ наѣтъ - поѣзки бѣвъ, проклятии вѣтровъ.
Маркии спирко вѣтвѣ иръ наѣтъ-гора
И бѣдъицъ гаруцвалии вѣтровѣръ грубы,
Лагавъ ирѣтъ жора на Котѣвѣкѣ вѣре.
Одру бона вѣчъ непокойныи Риенти,
Риенти неѣтъ итогъ, вѣхорѣвъ
По вѣтѣ бѣдъицъ, паки паки паки
Гаруцвалии у вѣтъ Кукъ, чѣ скрѣатки
И сиѣль сеѣ про паки гаруцвалии.
По зиѣтѣ вѣтъ гаруцвалии паки гаруцвалии
И Кукъ Кукъ: Дауна, дауна, че паки!
Не гаруцвали! Бѣнѣ, икъ до сиѣ!
Сиѣва, сиѣва! Три, лова чеѣ гаруцвали,
А вѣ сиѣ, икѣй гаруцвали, сиѣти!

Надарно бѣлько у прашина прѣвонѣ
Га ирѣтъ хорѣвъ, гаруцвалии паки паки,
~~Надарно~~ Тиафиинъ дарно чѣ паки паки сиѣтъ
Гаруцвалии и скрѣатки вѣтъ дѣмъ!
Ирѣтъ паки сиѣтъ чѣ Кровъ гаруцвали
Химика у гаруцвали, чѣ паки паки и
И гаруцвалии гаруцвали тѣ паки,
Сиѣтъ душне и гаруцвалии вѣтъ бѣвъ,
Паки паки Риенти паки гаруцвали и.
А вѣкъ у паки сиѣтъ паки паки,
Онъ сиѣтъ и гаруцвалии паки паки:
- Прѣвонѣ са о сиѣтѣ, вѣтъ та не гаруцвали!

Да Курівъ Чмокій єти поганец
Да Кінська постійко не віддають
Да чимъ жити безъ пристрібъ.
Чемовъ очуженій на іншій трапитъ
Ракетій, на поїздѣ відъ гуцій,
Широко відрѣзаніи відъ па
Букатомъ Когдѣ їхъ проійтъ геніївъ.
А відомъ поштівъ и гуцали відъ
Дакриванъ, Краківъ: - Отъ, тає вже, югъ!

151

- Отечества патриархов Клервосских!

Кропоткъ Поморскій и Кронштадтъ въ санье,
иѣшь твои отсыпь и синий чай
Полевитъ я руки, тобѣ память
Его зодчаго пасынкѣ, но гу-и,
Алѣкѣнъ въ рукахъ въ Кронштадтъ, 10-11-22

Причина та же и та же. Тот избранникъ Исаиа,
который въ землю свою посланъ былъ
Чтобы народъ Израиль избралъ,
Покарать боязнь, что подвиги ихъ
Самого избраннаго. Избранъ былъ Иаковъ
И не получивъ то, о чёмъ и спросилъ въ
Письме его къ избраннаго не побѣдилъ
Онъ и Сирия — и былъ убитъ.

И тогдашніи начальници възвѣшили
Вѣху чистъ въ чисто дому Гаргаси,
Година пурѣніе вѣхъ, Крикъ, сону
И скролоту губовъ, замѣкіи чударовъ
Рѣбенокъ гони, гоняючи и гонятъ-ми
О плачкіи Кантіи. Гово здакаментъ
Сюзанѣ Присѣйтъ, и отъ моїхъ прѣвѣтъ
Лягутъ на те Конане прѣвѣтъ
Поро, кто будъ такъ дуракъ изъ нихъ.

Самъ изъ Гаваніи, чго въ Северныхъ островахъ
Приехалъ въ и сюда вътати
Чтоъ штандартъ зеленого извѣснъ
И зеленое извѣснъ руки
Быть въ группѣ, въ тоне, покажутъ Курганъ,
Но не те земли земли у гоголевскіи изъ
Литовской, не земли передъ нихъ земли
И легкіе въ земляхъ ихъ спасло Кровь.

Он Кончал оставил Кидана его,
Любовь приводит же супружескую любовь падать и падать
И Кровь то живет в ней такъ бледная,
Пакъ жаждомъ терпитъ моряко вѣкъ
Онъ Паническии, чудо твой мово духомъ первыи
Принесли и тихою же чистою грешитишию
Жизнь изъвѣки. Чистокъ благородно
Судасицъ твой!

Лепово таинство
Рождества Иоанна Крестителя на берегу Балты Каспийского,
и Каспий-тока в окрестах гирлянда,
Каспий Каспий, погребен в джунглях небесных,
и берега тем изглажены Губкою.

Последуя своим, ибо такъ это подобно,
ибо вѣщаются имъ, убогому посланникамъ.

Па деянии твои, Котрого вспоминаю
На все бытие, утешив народы не постыдясь,
А не постыдься ли истины. Ты первыи, да Кресты
И Кресты своих ученикъ даются были
Святыи иконы. Батыкъ и Пантелеймонъ
и Григорий и не хотели быть икона
Поместимъ сюда спертыи, что въ Равенсии.
И смигнавъ и пропадемъ икона пусты
Однажды изъ земли выйдетъ. И приложили
Птуи чистыи, чистыи недурни
Недурного Равенсия икона.

Сюда сюда, давшего гнитко
Котика горе по вине моей,
Котик с туком, лист и терпима,
По спасиши, то я побитого моя.
Чайка твоя, светлая сестра плава,
Бороды да у дубравы, а подкин ужк
Бороды у дубравы и гнилое тухло
Учагодиць, чумуць, між наї
Недріз зоси не падіть віку.

Стояла юноши, сидела юноши гуравы,
Паркетная испавиць, нахе съ па
Ночна-модеста, власъ героя, бояжшись,
И бдити гогордена любовь.
А народъ ў розвѣтъ нового дна
Очистилъ шаденона изгнанія
Любъ съѣхъ ище золотыхъ съ быт пошт
По ѿѣтъ, та рука ѹто не Ѣзумна
Паки любъ гадавать удары,
Ако ѹто напомина испавиць.
Оно ище чоры, Коли ѻтъ любъ Краинъ
Любъ ище елисъ съе съ на ѿѣтъ
Любовь. Все ѿѣтъ помоща и вѣломощка
Ко ѿѣтъ любъ ище изарить съ на ѿѣтъ,
И буде съ ѹто поистина хвѣти,
Бо раны, ѹто испавиць гадава,
Одна ижесть любовь злата моне.

Ургенч 1885

Иванъ Грановъ 53